

УДК 314.04;314.7;332.1

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ*

СТРОЕВ ПАВЕЛ ВИКТОРОВИЧ, канд. экон. наук, директор Центра региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
stroevpavel@gmail.com

КАН МАРИЯ ИГОРЕВНА, аспирант кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет, Москва, Россия
marykan01@gmail.com

В статье рассмотрены отечественные и зарубежные подходы к определению процесса пространственной мобильности населения. На основе анализа ведущих практик международных организаций выявлены факторы, оказывающие наибольшее влияние на процессы пространственной мобильности населения. Отражено влияние экономической и этнической составляющих на пространственное размещение мегаполисов и агломераций. Обоснована взаимосвязь пространственной мобильности населения и социально-экономического развития отдельных территорий, регионов и страны в целом. Проведен анализ моделей и методик оценки пространственной мобильности населения, сформулированы подходы к совершенствованию системы ее оценки.

Ключевые слова: миграция; региональная экономика; пространственное развитие; социальная мобильность; население; уровень жизни; оценка пространственной мобильности.

The Spatial Mobility of Population: Economic and Social Aspects

STROYEV PAVEL V., PhD (Economics), director of the Center for Regional Economics and Interbudget Relations, Financial University
stroevpavel@gmail.com

KAN MARIA I., PhD student at the State and Municipal Management Department, Financial University
marykan01@gmail.com

The paper examines domestic and foreign approaches to the definition of the process of spatial mobility of population. The analysis of international best practices revealed factors that have the greatest effect on mobility processes. The impact of the economic and ethnic components on the spatial distribution of megacities and agglomerations is reflected. The interdependence between the spatial mobility of the population and the socio-economic development of individual areas, regions and the country in the whole is substantiated. The analysis of models and methods for evaluation of the spatial mobility of population is made; approaches to improvement of the system for assessment of the spatial mobility of the population in Russia are developed.

Keywords: migration; regional economy; spatial development; social mobility; population, living standards; spatial mobility evaluation.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2016 г.

Подходы к определению пространственной мобильности населения

Пространственная мобильность — это один из способов организации пространства обществом. Имеется много различных подходов к определению пространственной мобильности. Одним из наиболее распространенных является подход, где мобильность определяется как движение или перемещение от одного места к другому. Такое движение может подразумевать в качестве объекта не только людей, но и материальные товары, а также информацию. Соответственно от того, что движется, зависят способ оценки движения и единица ее измерения.

Российский исследователь Н.В. Мкртчян под пространственной мобильностью понимает исключительно миграционные процессы [1]. При этом пространственная мобильность включает как собственно миграцию, которая предполагает смену индивидом постоянного места жительства, так и временные, эпизодические перемещения, роль которых возрастает в последнее время. Пространственную мобильность через миграцию определяет также П.В. Василенко [2]. Оценка пространственной мобильности при таком подходе основывается в первую очередь на показателях миграционной активности (коэффициент иммиграции и эмиграции — отношение числа прибывших/выбывших к средней численности населения той территории, куда они прибыли/выбыли, сальдо миграции и др.). Оценивается также внутренняя миграция населения, которая осуществляется между регионами, однако при оценке внутренней миграции возможны ограничения, поскольку в ряде случаев она может замещаться каждодневными поездками на работу из одного города в другой, иногда с пересечением границ регионов. Попытки оценить внутреннюю миграцию делают как статистические органы государства, так и различные исследовательские организации. Так, в 2013 г. отдел народонаселения департамента по экономическим и социальным вопросам секретариата Организации Объединенных Наций провел обширное исследование в области межстранового сравнения внутренней миграции [3].

С учетом быстроменяющихся реалий, в том числе моделей мобильности, за последние де-

сятилетия произошла переоценка отношения исследователей к мобильности и ее восприятию исключительно как перемещения в пространстве. Исследователи приходят к выводу, что такое определение носит ограниченный характер. В настоящее время мобильность имеет тенденцию стать «целым», которое включает само движение, все, что предшествует, сопровождает и продлевает его¹. Таким образом, пространственная мобильность больше, чем зазор или связь между отправной точкой и точкой назначения, — это структурированное измерение жизни в обществе. Такое широкое понимание мобильности приводит к тому, что мобильность воспринимается как метафора для обозначения совершенно иной формы отношения к расстоянию и пространству². В таком контексте больше не противопоставляется двоичная классификация пространства — «близкий» и «далекий», «здесь» или «там», ряд значений становятся межпространственными, например исчезает понимание «эмигранты» и «иммигранты», они становятся просто «мигрантами». Мобильность становится образом жизни, который соединяет пространственные и социальные категории. Все больше исследователи в области пространственной мобильности приходят к тому, что пространственная мобильность неразрывно связана с социальной мобильностью. С целью подчеркнуть такую связь в исследованиях часто используется термин «пространственно-социальная мобильность» или «социально-пространственная мобильность».

В трудах Зиммеля Г. [4] и Баумана З. [5] показано, что пространственное расположение и перемещение в физическом пространстве играют значительную роль в формировании социальных отношений. Возможность свободно перемещаться в пространстве составляет одну из базовых потребностей человека, с удовлетворением которой связан его социальный статус. В современном обществе исследователи отмеча-

¹ См. работы: Kaufmann V. Re-thinking mobility // *Contemporary sociology*. Ashgate. 2002. P. 112; Urry J. *Sociologie des mobilités. Une nouvelle frontière pour la sociologie?* / Paris, Armand Colin. 2005.

² Cattan N. *Territoire mobile. De l'impossible concept à l'apport des études genres* // *Penser l'espace politique*. Ellipses, Paris. 2009. pp. 69–86.

ют не только интенсификацию миграционных процессов, но и превращение пространственной мобильности в один из важнейших социальных ресурсов индивидов и групп.

В начале XX в. в результате повышенного интереса социологов к влиянию урбанизации на социальное положение человека Р. Парк и Р. МакКензи [6] предложили «Теорию экологии человека», согласно которой экологический порядок представляет собой пространственное структурирование человеческих перемещений. В свою очередь, Р. Парк отмечал, что мобильность связана со сменой жительства, переменной места работы, изменением местоположения учреждения, службы или вида деятельности [7]. Кроме того, в их совместной работе «Город» [8] была выдвинута идея о том, что миграция (пространственная мобильность семей, индивидов, институтов) зачастую выступает как показатель и ускоритель социальной мобильности.

Факторы пространственной мобильности населения

Существуют показатели, которые влияют на пространственную мобильность. Одним из основополагающих факторов для перемещения является финансово-экономическая составляющая. Она определяет, действительно ли у индивида (домохозяйства) имеется возможность для переезда в другой район (регион) с более хорошими условиями и какие районы будут доступны исходя из его финансово-экономического положения [9]. Кроме того, при оценке пространственной мобильности исследователи учитывают такие факторы, как успешность на рынке труда и этническую принадлежность³, а также класс происхождения индивида⁴. Кроме того, люди различаются в своих стремлениях организации жизни в различные моменты их жизненного цикла, когда на выбор места и продолжительность проживания оказывают влияние возраст, семейное положение и период

в жизни, когда индивид принял решение переехать⁵.

Экономическая составляющая и этническая принадлежность играют значимую роль в пространственном расположении городов, мегаполисов и агломераций. Со временем различия в уровне экономического развития и этнической принадлежности создали «жилые мозаики», которые стратифицированы классами и расами⁶. Результаты «жилой» мобильности не случайны и являются следствием выражения людьми своих предпочтений (например, с точки зрения доходов, состава и этнической принадлежности).

В настоящее время экономическая составляющая становится все более мощным фактором в объяснении социально-пространственных результатов мобильности населения. В последние десятилетия миграционные процессы, направленные в развитые страны или наиболее развитые регионы страны (если речь идет о внутренней миграции) образовали один из основных узлов экономических, социальных и культурных проблем глобального мира. Значительный объем миграционных потоков составляют трудовые мигранты, с помощью которых решаются экономические проблемы не только бедных, но и развитых стран, которые нуждаются в притоке рабочей силы. В современном мире интенсивно развивается мобильность населения, связанная с удовлетворением культурных и рекреационных потребностей человека — научная, образовательная, туристическая и т.д. Доступ к такой мобильности является значимым фактором социальной стратификации как между группами, так и внутри них.

Районы Торонто, например, стали значительно более поляризованными по доходу населения за последние несколько десятилетий, что произошло в результате возросшего внимания

³ См. работы: Silvestre J. The Internal Migration of Immigrants: Differences between One-Time and Multiple Movers in Spain/ Population, space and place. 2014. No. 20, pp. 50–65; Mägi K. Types of Spatial Mobility and the Ethnic Context of Destination Neighbourhoods in Estonia / IZA Discussion Papers. 2015. No. 9602, pp. 22.

⁴ Sociology of the European Union / Edited by A. Favell, V. Guiraudon. Palgrave, Basingstoke, 2011, pp. 224.

⁵ См. работы: Kulu H., Milewski N. Family change and migration in the life course: An introduction // Demographic Research. 2007. No. 17 (19), pp. 567–590. и Lundholm E. Returning Home? Migration to Birthplace among Migrants after Age 55 / Population, Space and Place. 2012. No. 18 (1), pp. 74–84.

⁶ См. работы: Friedman S. Bringing Proximate Neighbours into the Study of US Residential Segregation / Urban Studies. 2011. No. 48, pp. 611–639; South S. J. Exiting and entering high-poverty neighbourhoods: Latinos, Blacks and Anglos compared/ Social Forces. 2005. No. 84 (2), pp. 873–900.

к более благополучному региону в социальном и экономическом отношении тех индивидов, у которых была возможность выбора⁷. При этом вероятность поляризации районов растет с ростом числа ресурсов, доступных для выбора среди возможных мест проживания. А селективные миграционные процессы могут нивелировать преимущества, достигнутые государственными инвестициями, вложенными в территорию.

Связывая пространственную мобильность с социальной, исследователи отмечают, что ряд домохозяйств перемещается с целью получить более хорошие условия жизни, соответственно они перемещаются в более благополучные регионы по сравнению с местом пребывания, другая же категория домохозяйств имеет тенденцию к перемещению в районы, где характеристики населения похожи на их собственные⁸. Такое разделение предпочтений домохозяйств в выборе места проживания олицетворяет собой вертикальную и горизонтальную социальную мобильность.

Кроме того, различными авторами отмечается феномен «пребывания, а не перемещения»⁹. Мобильность свойственна индивидам, которые могут и желают продолжить изменения, например когда они не удовлетворены своим пребыванием или их жилье больше не отвечает потребностям домохозяйства. Существует также категория людей, неудовлетворенных своим пребыванием, которые не в состоянии двигаться в соответствии со своими предпочтениями. В то же время другие индивиды могут представлять собой категорию удовлетворенных условиями проживания, однако не желающих двигаться, даже если они могут себе это позволить.

Огромный вклад в изучение и оценку пространственной мобильности внесли У. А. В. Кларк, М. ван Хэм и Р. Коултер в своих трудах «Социально-пространственная мобильность в Британском обществе» [10] и «Пространственная

мобильность и социальные последствия» [9]. Одной из задач исследований стало изучение последствий перемещения людей в вертикальной социальной мобильности в результате переселения из одной территории в другую, особенно для бедных семей, а также измерение шансов людей на улучшение жизни при изменении их положения в социально-пространственной системе страны. Авторы исходят из того, что в течение жизни человек действует и принимает решения с целью привести в равновесие свои потребности в жилье и возможности трудоустройства, а также с целью достижения наиболее высокого удовлетворения жизненных целей. Действительно, правительства большинства стран в настоящее время признают, что мобильность ведет к социально-экономическому преимуществу и является ключевым механизмом для создания общего социально-экономического усиления [11]. В Стратегии социальной мобильности и докладе «Высокие амбиции», подготовленном Департаментом по делам бизнеса, инноваций и навыков Великобритании (2009), указано, что достижение высокой социальной мобильности приносит пользу обществу в целом. Таким образом, социально-пространственная мобильность является ключевым вопросом государства, который имеет последствия для роста социально-экономического неравенства.

Оценка пространственной мобильности населения

Существует множество различных подходов к оценке пространственной мобильности населения. У. А. В. Кларк, М. ван Хэм и Р. Коултер оценивают пространственную мобильность и ее социальные последствия через национальные индексы множественной депривации (*Index of Multiple Deprivation — IMD*), рассчитываемых с 1970 г. департаментом по делам общин и местного самоуправления Великобритании. Для исчисления показателей вся территория страны была разделена на небольшие районы Англии и Уэльса — *LSOA (Lower-Layer Super Output Areas)*, численность населения в которых составляет в среднем 1500 человек, а для Шотландии используются *DZ (DataZone)* — данные записей о проживании физических лиц Шотландии, средняя численность *DZ* составляет 750 человек. Име-

⁷ Hulchanski J.D. The three cities within Toronto: Income polarization among Toronto's neighbourhoods, 1970–2000 / Centre for Urban and Community Studies. 2007. Research Bulletin 41, University of Toronto.

⁸ Schelling T.C. Dynamic models of segregation / Journal of Mathematical Sociology. 1971. No. 1, pp. 143–186.

⁹ Coulter R. and van Ham, M. Following People Through Time: An Analysis of Individual Residential Mobility Biographies / Housing Studies. 2013. No. 28 (7), pp. 1037–1055.

ются следующие индексы депривации (от лат. *deprivatio* — потеря, лишение), которые обеспечивают набор относительных мер депривации для небольших районов (*LSOA/ DZ*) по всей Великобритании с учетом семи основных областей лишений, испытываемых домохозяйствами:

- недостаток средств к существованию (депривация дохода);
- отсутствие доступа к достойной работе (депривация трудоустройства);
- низкий уровень образования и квалификации (депривация образования, навыков и обучения);
- неудовлетворительное состояние здоровья и питания (депривация здоровья);
- неудовлетворенность условиями окружающей среды;
- высокая преступность;
- барьеры в получении жилья и необходимых услуг.

Каждая из вышеуказанных областей основывается на группе показателей, данные для которых взяты из переписей, опросов и других источников. На уровне каждой области рассчитывается свой индекс депривации, а также два дополнительных показателя: депривация дохода, влияющие на индекс детей, и депривация дохода пожилых людей (оба этих показателя являются подиндексами депривации дохода). При этом каждой области лишений, которые испытывают домохозяйства, присваиваются следующие веса: депривация дохода — 22,5%; депривация работы — 22,5%; депривация образования, навыков и обучения — 13,5%; депривация здоровья — 13,5%; преступность — 9,3%; барьеры в получении жилья и необходимых услуг — 9,3%; неудовлетворенность условиями окружающей среды — 9,3%.

Таким образом, Индекс множественной депривации (*IMD*) включает информацию, полученную из семи областей, для определения общей меры относительной депривации.

В результате для оценки и отслеживания пространственно-социальной мобильности населения каждый раз, когда фиксируется, что физическое лицо или домохозяйство перемещается из одного района в другой, сравнивается индекс *IMD* происхождения и назначения

района. Положительные изменения в баллах показывают, что домохозяйство перемещается в менее благополучный район, в то время как снижение баллов означает переезд в более благополучные районы. Индекс *IMD* дает также возможность оценить, изменилось ли благодаря перемещению положение в децильной группе. Важно иметь в виду, что значительное влияние на исчисление индекса *IMD* оказывает распределение веса между областями лишения, которые испытывают домохозяйства, а также масштаб, при котором вычисляется *IMD* (*LSOA* или *DZ*).

В работе «Типы пространственной мобильности и этнический контекст назначения микрорайонов в Эстонии»¹⁰ акцент в оценке пространственной мобильности делается на перемещении этнических групп и влиянии перемещения на их уровень жизни. Авторы начинают анализ с описательной информации относительно интенсивности перемещения между двумя этнолингвистическими группами. Данный показатель измеряется как процент тех, кто движется в различных направлениях, при этом сравнивается местоположение домохозяйства относительно расположения этнолингвистических групп (русскоязычные) до и после переезда. Данный процесс сопровождается применением бинарной регрессионной модели для исследования, есть ли существенные различия в вероятности того, что подгруппы населения остаются на прежнем месте пребывания или перемещаются.

Анализ продолжается созданием модели линейной регрессии при использовании перемещающихся домохозяйств и индивидов только для изменения моделей в личных этнических жилых контекстах в результате перемещений. В качестве непрерывной зависимой переменной было использовано абсолютное процентное изменение (уменьшение или увеличение). Кроме того, модели также включают набор управляющих переменных, а именно: пол, возраст (10-летние группы), образовательный уровень, и статус занятости. Бразильский исследователь Л.М. Кавалканте де Мело подходит к оценке пространственной мобильности не только во

¹⁰ Mägi K., Leetmaa K., Tammaru T. Maarten van Ham Types of Spatial Mobility and the Ethnic Context of Destination Neighbourhoods in Estonia/ IZA Discussion Papers. 2015, No. 9602, p. 22.

взаимувязке с социальной мобильностью, но отдельно выделяет профессиональную мобильность¹¹. В основе пространственной мобильности лежит экономическая причина, так как в общем люди переходят из застойных регионов в поисках лучших условий к жизни [12], что влияет на их шансы перемещения по социально-профессиональной лестнице. Таким образом, работники мигрируют в поисках мест, которые предлагают более благополучные социально-профессиональные условия, представляют больше шансов доступа к образованию, здравоохранению, профессиональной подготовке и занятости в секторах большего социального престижа. Для большей части населения перемещение между социальными слоями ассоциируется исключительно с пространственной мобильностью. Необходимо также отметить, что исследователь указывает на сильную социально-профессиональную мобильность внутри и между поколениями, которые имели место в период интенсивной миграции и урбанизации в Бразилии с 1950-х гг.

Для измерения социально-профессиональной и пространственной мобильности автор вводит ряд переменных, в том числе изменение социально-профессионального положения за определенный период времени, переменные, характеризующие уровень развития региона, в котором пребывал индивид и в который индивид переместился, а также переменные, касающиеся уровня образования, возраста, опыта работы, рода занятий и пола. Затем при использовании полиномиальной логистической регрессии Л.М. Кавалканте де Мело предлагает способ оценки возможности социально-профессиональной мобильности мигрантов в новом регионе по сравнению с регионом происхождения. Исследователь приходит к выводу, что новые динамические пространства привлечения капитала и рабочей силы доказывают, что миграции присуща экономическая рациональность. Таким образом, индивиды продолжают мигрировать в регионы с потенциалом роста, который, как ожидается, будет лучше для достижения желаемых социально-экономических условий. В случае с Бразилией эконо-

мический фактор является главенствующим на протяжении нескольких десятилетий.

Выводы

В современной науке пока не сложилось четкого и единого представления о том, что понимать под пространственной мобильностью. В зависимости от подхода к пониманию этого термина устанавливается методика оценки пространственной мобильности. Проведя анализ исследований, можно сделать вывод о том, что на данный момент большинство ученых сходятся в том, что процесс пространственной мобильности неразрывно связан с процессом социальной (а иногда и социально-экономической) мобильности. Пространственная мобильность рассматривается как сопутствующая социальной мобильности, иногда как ее результат или как ее предпосылка. Кроме того, исследователи сходятся во мнении, что пространственная мобильность имеет значительное влияние на социально-экономическое неравенство территории.

Пространственная мобильность является одной из причин неравенства в доходах и благосостоянии регионов в стране. Любой индивид или домохозяйство стремится к более благополучным условиям, соответственно выбирает для себя наиболее комфортные территории для проживания, где есть возможность обеспечить себя требуемыми условиями. Индивид предъявляет определенные требования к условиям инфраструктуры, получению качественного образования и достойной работы, предоставлению медицинских услуг и обеспечению досуга. В связи с этим мигрируют в более развитые регионы те граждане, которые имеют хороший доход, высокую квалификацию в профессиональной деятельности. Таким образом, менее развитые регионы покидают наиболее талантливые и профессиональные кадры, что также сказывается на экономике этого региона. Большинство исследователей напрямую связывают перемещение в пространстве с перемещением по социальной лестнице. Поэтому необходимо учитывать уровень жизни в регионе, когда перемещаются граждане из одного региона в другой, и принимать меры по его увеличению и развитию экономики, если преследуется цель по привлечению населения на конкретную территорию.

¹¹ Cavalcante de Melo L. M. Mobilidade sócio-ocupacional e mobilidade espacial: diferenciações entre hierarquias urbanas para o mercado de trabalho formal, Brasil, 2000–2009 // Belo Horizonte, MG UFMG/Cedeplar. 2012, p. 166.

Литература

1. Мкртчян Н.В. Потенциал пространственной мобильности безработных в России // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 40–53.
2. Василенко П.В. Применение гравитационной модели для анализа внутриобластных миграций на примере Новгородской и Псковской областей // Псковский регионологический журнал. 2013. №15. С. 83–90.
3. Cross-national comparisons of internal migration: An update on global patterns and trends/ United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2013, No. 1, p. 36.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 34. С. 23–34.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. — 390 с.
6. McKenzie R. The Ecological approach to the study of the human community // American Journal of Sociology, 1924, Vol. 30, pp. 287–301.
7. Парк Р. Экология человека // Теория общества. М., 1999. С. 384–401.
8. Park R., Burgess E., McKenzie R. The City. Chicago, 1925.
9. Clark W.A. V. Spatial mobility and social outcomes / W.A. V. Clark, M. van Ham, R.J. Coulter // Journal of Housing and the Built Environment, 2014, No. 4, pp. 699–727.
10. Clark W.A. V. Socio-Spatial Mobility in British Society / W.A. V. Clark, M. van Ham и R. Coulter // IZA Discussion Papers, 2011, No. 5861, p. 23.
11. Строев П.В. Пространственная организация экономики России: тенденции и перспективы развития городов как точек экономического роста. М.: А-проджект, 2015. 144 с.
12. Фаттахов Р.В., Нещадин А.А. Приоритеты государственной политики в сфере регионального развития // Общество и экономика. 2013. No. 1–2. С. 108–123.

References

1. Mkrтчjan N. V. The potential of spatial mobility of the unemployed in Russia [Potencial prostranstvennoj mobil'nosti bezrabortnyh v Rossii]. *Sociologicheskie issledovanija — Sociological researches*, 2012, No. 2, pp. 40–53.
2. Vasilenko P. V. Application of gravity model for the analysis of intraregional migration in the example of Novgorod and Pskov regions [Primenenie gravitacionnoj modeli dlja analiza vnutrioblastnyh migracij na primere novgorodskoj i pskovskoj oblastej]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal — Pskov regionologicheskij Journal*, 2013, No.15, pp. 83–90.
3. Cross-national comparisons of internal migration: An update on global patterns and trends/ United Nations Department of Economic and Social Affairs, 2013, No. 1, p. 36.
4. Zimmel' G. Big cities and spiritual life. [Bol'shie goroda i duhovnaja zhizn']. *Logos — Logos*, 2002, No. 34, pp. 23–34.
5. Bauman Z. Individualized society [Individualizirovannoe obshhestvo]. Moscow, Logos, 2002, 390 p.
6. McKenzie R. The Ecological approach to the study of the human community. *American Journal of Sociology*, 1924, Vol. 30, pp. 287–301.
7. Park R. Human ecology. Theory of society [Jekologija cheloveka// Teorija obshhestva]. Moscow, 1999, pp. 384–401.
8. Park R., Burgess E., McKenzie R. The City. Chicago, 1925.
9. Clark W.A. V. Spatial mobility and social outcomes / W.A. V. Clark, M. van Ham, R.J. Coulter. *Journal of Housing and the Built Environment*, 2014, No. 4, pp. 699–727.
10. Clark W.A. V. Socio-Spatial Mobility in British Society / W.A. V. Clark, M. van Ham и R. Coulter. *IZA Discussion Papers*, 2011, No. 5861, p. 23.
11. Stroeв P. V. The spatial organization of the Russian economy: trends and prospects of urban development as a point of economic growth [Prostranstvennaja organizacija jekonomiki Rossii: tendencii i perspektivy razvitija gorodov kak toчек jekonomicheskogo rosta]. Moscow, A-Project, 2015, 144 p.
12. Fattahov R. V., Neshhadin A. A. The priorities of the state policy in the part of regional development [Prioritety gosudarstvennoj politiki v sfere regional'nogo razvitija]. *Obshhestvo i jekonomika — Society and economy*, 2013, No. 1–2, pp. 108–123.